

Ангелина Сергеевна Ващук¹ (va_lina@mail.ru)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА (XX в. И СОВРЕМЕННОСТЬ)

В статье рассматривается история дальневосточной политики в контексте эволюции научных взглядов относительно развития Дальнего Востока на протяжении более чем столетнего периода. Анализ миссии политиков и интеллектуалов (части общества, наиболее активно рефлексирующей по поводу политики государства), определявших во многом судьбу территории и условия жизнедеятельности дальневосточного населения, ведётся на основе синтеза постфактумной парадигмы знаний (концепт Алена Бадью) и методов интеллектуальной истории. Характеризуются научные концепции, используемые властью при обосновании документов по территориальному размещению производства, а также факторы их смены. Показана роль личности политика и учёного в региональном историческом процессе в период реформ и в стабильное время. Определены магистральные линии в диалоге учёных и политиков по дальневосточной проблематике на современном этапе. Делается вывод об усложнении рефлексии научного сообщества над результатами дальневосточной политики в начале XXI в., о появлении новых факторов эволюции научных знаний в этой области. Анализируется значение пространственной экономики — новой научной платформы, которая оказалась востребованной политическим сообществом в начале XXI в. при оформлении институтов развития как основного продукта реформаторской деятельности нового поколения бюрократии — социальной базы современной политической элиты.

Ключевые слова: Россия, региональная политика, Дальний Восток, политическая элита, учёные, экспертное сообщество, история изучения идей, территориальное размещение производства, реформы.

Angelina S. Vaschuk¹ (va_lina@mail.ru)

RUSSIA'S FAR EASTERN VECTOR IN THE CONTEXT OF DIALOGUE BETWEEN AUTHORITIES AND SCIENTIFIC COMMUNITY (THE 20 CENTURY AND NOWADAYS)

The author examines the history of the Far Eastern policy in the evolution context of scholars' points of view on the problems of the Far East development during more than 100 years. There is carried out the analysis of the mission of politicians and intellectuals (part of society that most actively expresses its reflection

---

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia.

on regional policy) which largely determined the fate of the territory and the living conditions of the Far Eastern population. A synthesis of post-factum paradigm of knowledge (the term of Alain Badiou) and methods of intellectual history are used. Scientific conceptions demanded by politicians for reasoning documents on territorial placing industries and their change factors are characterized. The role of politician and a scientist personality in the regional historical process in the period of reforms and in a stable time is shown. The main lines in the dialogue of scientists and politicians on the Far Eastern problems at the present stage are defined. There is made the conclusion about the complication of scientific community reflection over the results of the Far Eastern policy in the early 21 century, about the emergence of new factors of the scientific knowledge evolution in this area. There is analyzed the significance of the new scientific platform (spatial economics) which became in demand by political community in the early 21 century during the formation of development institutions as the main product of reforming activity of a new bureaucracy generation that is the social base of modern political elite.

Keywords: Russia, regional policy, the Far East, political elite, scientists, expert community, history of studying ideas, territorial location of production, reforms.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ БАГАЖ

Одной из важных проблем в творческой лаборатории современного историка, работающего в области дальневосточной проблематики, а также отношений трансформирующегося общества и власти, является анализ деятельности учёных, экспертов, которые оценивают региональную политику, её результаты и перспективы. В контексте поставленной проблемы целесообразно обратиться к идее Алена Бадью, рассматривающего взаимоотношения философии и политики через «истинные процедуры», как бы постфактум: «И всё это (осмысление — А.С.) происходит после определённых событий политики, искусства, науки, любви — событий, которые задали необходимость новой вариации на ту же тему» [5]. Однако этот тезис важно дополнить концептом, в своё время сформулированным А. Пятигорским, который считал изучение 90-х гг. XX в. крайне необходимым. Он отмечал, что политика имеет и личностное измерение, так как она рефлексивна и представляет собой систематизацию опыта. Философ рассматривает проблематизацию как феномен политической рефлексии [50]. Таким образом, предлагается рассмотреть проблему на основе синтеза методов интеллектуальной и социально-политической истории.

На сегодняшний день имеется огромный пласт трудов, объединённых проблематикой развития Дальнего Востока в условиях трансформации и новой геополитической ситуации; в публикациях также содержится анализ зарубежных оценок освоения территорий, отдалённых от столицы, но богатых природными ресурсами. Высказывается мнение, что разработка

каждой дальневосточной программы — «это результат дискуссий и согласований центральной власти с представителями региональных структур, местных деловых и научных кругов, проходящих в формате совещаний и конференций» [29, с. 183]. Можно согласиться с такой точкой зрения, но нельзя забывать: в истории были и другие формы сотрудничества политиков и тех, кто трудился в области исследования Дальнего Востока, предлагая пути развития региона и варианты управления им.

Вопросы эффективности таких диалогов частично уже затрагивались предшественниками (Л.С. Малявина, А.Е. Савченко и др.) [29; 53; 54]. При изучении дальневосточной политики к постфактумной парадигме знаний обращаются не только историки, но и экономисты, международники, современные эксперты. И даже представители новой бюрократии довольно часто апеллируют к истории управления регионом. Многие труды и экспертные документы, как правило, начинаются с фиксации фактов прошлого или с комментариев по поводу высказываний политических лидеров разных эпох о значении Дальнего Востока в российской истории.

В сложившейся системе знаний часто воспроизводятся идеи, в которых доминирует анализ геополитики и национальной безопасности как основных факторов изменений в дальневосточной стратегии России. Это устойчивая традиция, составляющая на протяжении уже двух веков основу диалога политической элиты и представителей научных кругов. В литературе достаточно широко представлена точка зрения о том, что ещё с XVII в. дальневосточный вектор получал своё знаковое воплощение, отражавшее дух времени: движение «встречь солнцу» сменилось колонизацией или освоением территории, затем содержание дальневосточной политики определялось стратегией хозяйственного развития, при этом власть всячески поддерживала расширение знаний о Дальнем Востоке [12; 51; 63; 64; 68].

С середины XIX в. ведётся комплексное изучение дальневосточной территории. В публикациях широко распространена точка зрения о стимулирующей роли политического фактора, в частности создания института генерал-губернаторства, в освоении этих земель, а также о значении личности губернатора в развитии знаний об управлении территорией. Самым распространённым примером, когда политик грамотно воплощает в жизнь административный ресурс, являются события второй половины XIX в. — «съезды сведущих людей» при А.Н. Корфе. Выражаясь современным языком, съезд стал одной из первых «площадок» публичного диалога власти и самой образованной части дальневосточного сообщества при обсуждении путей развития данного региона.

В наши дни появились публикации, в которых дальневосточная политика рассматривается в контексте обновления идей развития территории и проведения реформ. Процесс накопления научно-экономической информации, глубоко проанализированный П.А. Минакиром, А.Н. Демьяненко, О.М. Рензиным, А.С. Шейнгаузом [32; 33; 34], заслуживает особого внимания при постановке проблемы.

Объединяющей платформой для российских политиков и интеллектуалов² в XX в. стало обсуждение вопросов территориального размещения производства в стране. Хотя данная проблема больше относится к предмету исторической географии, она также позволяет историку определить, на какой интеллектуальной базе состоялся консенсус советской номенклатуры и учёных в XX в.

На современном этапе по-прежнему актуальны вопросы методологических сложностей, связанных с содержанием самого понятия «размещение производительных сил», их эволюции, но мы не будем на этом сюжете останавливаться, поскольку имеются достойные специальные исследования [3; 4]. В изучение темы размещения производства в регионе огромный вклад внесли упомянутые выше дальневосточные исследователи П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко, О.М. Рензин, А.С. Шейнгауз, а также историк Н.М. Платонова [43], подробно описавшие процесс накопления экономических знаний относительно Дальнего Востока.

С учётом историографического багажа в статье поставлена цель: показать эволюцию взаимоотношений власти и научной общественности в контексте дальневосточной политики в советскую эпоху и постсоветский период. Для этого необходимо: 1) проанализировать отношение политической элиты к научному наследию по проблеме территориального размещения производства в стране и к региональной политике; 2) охарактеризовать изменения в концептуальных идеях, которые корректировали формы и содержание диалога политиков и научной общественности в XX — начале XXI в., а также влияли на реформы управления территориями; 3) выявить факторы, обуславливавшие активность политиков и учёных в вопросах развития Дальнего Востока.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЙ О РАЗМЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В XX в.

После революционных событий в России партийно-государственная власть, принимая историческое наследие предков — относительно освоенные и включённые в российское цивилизационное пространство дальневосточные земли, — в своей внутренней политике опиралась на концепцию территориального размещения производства. Она использовала теорию производительных сил как инструментальную базу для планирования и дальнейшего хозяйственного освоения Дальнего Востока.

В ранней советской истории самыми яркими площадками сотрудничества номенклатурных управленцев, учёных и практиков оказались Госплан РСФСР и Госплан СССР: здесь были сосредоточены основные интеллектуальные ресурсы в лице специалистов в сфере экономики.

² Под интеллектуалами понимается активная часть общества — учёные и эксперты, рефлексирющие по поводу проводимой государством политики.

Для развития региона важную роль сыграли работы дальневосточной секции Госплана СССР во главе с Н.Н. Колосовским, который уже тогда отмечал значимость взаимосвязи экономического роста изучаемой территории со спросом на местную продукцию со стороны Японии и Северной Маньчжурии. Он рассматривал Японию как рынок сбыта продукции горнорудной, нефтяной, лесной и рыбной промышленности, а Маньчжурию — как «неисчерпаемый рынок рабочей силы» [32, с. 17]³. В 1923 г. в советскую практику управления территориями внедрялась разработанная аппаратом Госплана идея нового районирования, теперь в центре внимания и политиков, и учёных оказались территориально-административные реформы и — в тесной увязке с ними — размещение производительных сил на востоке страны.

Известно, что вопрос о размещении производства активно изучался ещё в начале XIX в., особенно немецкими учёными. Выделялись три кита хозяйственного развития: транспорт, трудовые ресурсы и агломерации [3; 4]. Два первых вошли в актив номенклатурной элиты, проводившей в жизнь дальневосточную политику. В 1925 г. члены Дальревкома рассматривали развитие производительных сил края в тесной связи с колонизацией Дальнего Востока. Необходимость созыва «съезда специалистов» была определена решением VII Дальневосточной партийной конференции (16—20 ноября 1925 г.), которая подвела итоги работы местных партийно-советских органов за первые три года советизации края (1923—1925 гг.) [1]. В апреле 1926 г. состоялась Первая конференция по изучению производительных сил советского Дальнего Востока, посвящённая перспективам и проблемам социально-экономического развития региона. Совещание рассматривалось как мера по обеспечению местного руководства оперативной информацией, необходимой для составления первых перспективных планов развития Дальнего Востока и включения его, согласно намерениям властей, в программу «советской колонизации» [29, с. 185]. Первый советский проект 10-летнего плана социально-экономического развития Дальневосточного края (1925—1935 гг.) содержал вопросы колонизации и капитального строительства. Предусматривались следующие вложения: в промышленность и сельское хозяйство края — около 40%, транспортную инфраструктуру — 60%. Последняя включала достройку Амурской железной дороги (вторых путей, новых веток, проведение новых изысканий и пр.), прокладку грунтовых и шоссейных дорог, строительство портов. Планировалось выделить средства и на строительство подсобных сооружений железной дороги, и на приобретение судов морского торгового флота, и др. Проект плана учитывал геополитическое положение края и его огромные возможности.

Советская власть привлекала учёных и к другому государственному мероприятию — реформированию административно-территориального деления на основе принципа разукрупнения с целью решения экономических

³ Заметим, что в начале 1920-х гг. степень фактической автономизации хозяйства на Дальнем Востоке была достаточно высокой.

задач, заложенных в плане развития производительных сил. Принималась во внимание внешняя политическая обстановка в 1930-е гг., а также кадровая политика в научных учреждениях [8, с. 81—106; 10]. Советские управленцы использовали опыт, накопленный имперской Россией, поддерживая и финансируя экспедиционные исследования Дальнего Востока. Отличительной чертой сотрудничества политиков и учёных тех лет было то, что в силу установленных цензурных правил диалог не был публичным, чаще всего он был закрыт для широких масс советских граждан.

Внедрению теории территориального размещения производства в СССР большое внимание уделял В.С. Немчинов, который с 1949 по 1963 г. возглавлял Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР (СОПС). В докладах СОПС 1930-х гг. в целом обоснована необходимость общего сдвига производительных сил страны на Восток [40, с. 3]. Однако стремительное и масштабное вмешательство политического режима в хозяйственные вопросы и победа в дискуссии так называемого «телеологического направления» в экономической теории привели к господству централизованной системы планирования, которая включала и специальные постановления по Дальнему Востоку. Такие партийно-государственные документы становились инструментом управления и позволяли мобилизовать ресурсы, направленные на решение приоритетных региональных проблем с учётом быстро изменяющихся исторических ситуаций.

В 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР обязали Госплан РСФСР создать условия для резкого увеличения доли края в промышленном производстве страны. Однако осуществить этот сдвиг в большом масштабе власти не удалось, хотя здесь до Великой Отечественной войны уже была заложена индустриальная база. СОПС под руководством В.С. Немчинова продолжал планомерно изучать природные ресурсы восточных районов страны и составлял рекомендации по их рациональному комплексному использованию [6; 39; 40].

Новый всплеск внимания политиков к результатам исследований по развитию производительных сил наблюдается во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. Череда политических событий, в том числе изменения в составе партийного руководства (приход реформатора Н.С. Хрущёва, а затем Л.И. Брежнева, которые не оставляли Дальний Восток без внимания), сопутствовали активизации советских учёных в исследованиях дальневосточных проблем.

Правительство выделило средства на создание научно-экономической инфраструктуры на Дальнем Востоке. К указанному периоду относится распространение научной концепции экономического развития региона как части народнохозяйственного комплекса (её автор В.С. Немчинов) [4; 39; 40]. Исследователи отмечают, что с этого периода разработка «концепций» как специфических вербальных моделей регионального развития становится одним из основных инструментов системного прогнозирования в региональной экономике [33, с. 11]. Политический Центр активно

поддерживал концепцию оптимизации производительных сил в дальневосточных краях и областях РСФСР. Во второй половине 1950-х гг. региональная политика в определённой степени воплощается в реализации идеи Н.С. Хрущёва о создании совнархозов [22; 30]. Сначала имело место некоторое сопротивление реформе со стороны специалистов, работавших в Госплане СССР, который, по своей сути, выражал линию преимущественно отраслевой технологии управления, в частности откровенно против выступал председатель Госплана Н.К. Байбаков. Но в ходе практической подготовки реформы Хрущёв смог привлечь его, других специалистов, а также ряд региональных руководителей на свою сторону.

Публичное представление проекта об организации совнархозов явилось крупным общественно-политическим событием в регионах [31; 62], но в развернувшейся в стране дискуссии не просматривалась принципиальная оценка реформы, а суждения касались только конкретных организационных вопросов её проведения. Такой же подход был продемонстрирован на одном из собраний коллектива в ДВФ АН СССР [АП ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 41. Л. 178—180].

Стоит отметить, что совнархозы на Дальнем Востоке даже успели выполнить свою историческую миссию: например, в северо-восточных районах обеспечили переход от дальстроевской модели к новой, территориальной. В целом по региону были увеличены капиталовложения в развитие учреждений здравоохранения и просвещения по линии совнархозов и местных Советов, осуществлена реорганизация системы управления строительной отраслью по территориальному принципу [41, с. 440—446].

В период «политической оттепели» параллельно с вопросами общесоюзной повестки территориального развития выделялось дальневосточное направление; концепция развития производительных сил региона серьёзно поддерживалась партийным государством, которое финансировало специальные экспедиции АН СССР в отдалённые районы Дальнего Востока [37], давался «зелёный свет» научно-практическим конференциям по развитию производительных сил региона. В условиях смягчения политического режима и курса правительства (сначала во главе с Хрущёвым, а затем — Брежневым) на улучшение жизни советских людей, сопровождавшихся целой серией реформ в социально-бытовой сфере [41, с. 397—496], учёные стали вести более активный диалог с властью. Они использовали разные способы информирования органов управления о результатах своих исследований. В адрес органов власти шёл огромный поток докладных записок, в которых подчёркивалась острая необходимость увеличения роли материального фактора в закреплении трудовых ресурсов на Дальнем Востоке [11]. Правительство поддержало создание новых исследовательских институтов, сначала в Центре, а затем и в регионе. В 1955 г. был образован Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, в состав которого входили Научный совет и Научно-исследовательский институт труда [45],

при этом дальневосточная тематика стала играть заметную роль в исследованиях его сотрудников. Именно тогда в широком смысле в стране стало формироваться экспертное сообщество, развивалась его институализация в форме научных советов при органах власти.

Труды и материалы учёных, чаще всего экономистов, особенно по проблеме закрепления трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, использовались управленцами при разработке многих правительственных документов. Надо сказать, что дальневосточный вектор политики в 1960-е гг. охватывал и Северо-Восток (см., например, труды С.В. Славина [55]). Ведущий учёный тех лет В.С. Немчинов продолжал активно продвигать идею о том, что без адекватного развития человеческого потенциала невозможно развитие производительных сил региона.

В конце 1950-х — 1960-е гг. возможности научных исследований по проблемам Дальнего Востока в центре всё ещё были значительно шире, чем в самом Дальнем Востоке. Ведущие позиции при этом занимали Центральный экономический научно-исследовательский институт Госплана РСФСР (А.Н. Гладышев, Б.Ф. Шапалин), Совет по изучению производительных сил (Ф.И. Дьяконов), Госплан СССР (Н.М. Сингур). К наиболее важным работам того периода относятся труды А.Н. Гладышева с соавторами [13; 14], С.В. Славина [55], А.Б. Марголина [30]. Проводились экономические исследования и на Дальнем Востоке, они были сосредоточены в подразделениях ДВФ АН СССР, а затем — ДВФ СО АН СССР. В октябре 1970 г. было проведено реформирование научных учреждений во Владивостоке, создан ДВНЦ АН СССР. В 1970-е гг. практическое значение имели результаты работы многих учёных из этого отделения [см. подробно: 33].

В основе политических документов по планам развития производительных сил Дальнего Востока [48; 49] лежали итоги научных изысканий вышеназванных и других авторов. Были созданы новые научные структуры для изучения ресурсной базы региона [41, с. 530—531, 538—541]. А такой мегапроект, как БАМ, потребовал объединения творческих сил учёных из разных отраслей знания. В середине 1970-х гг. А.Н. Гладышев писал, что западные районы застроены давно, а на Дальнем Востоке, где хозяйство находится в стадии формирования, можно заранее многое предусмотреть, чтобы избежать диспропорций, ошибок, которые обойдутся слишком дорого [13, с. 33]. Созданная лаборатория по изучению трудовых ресурсов региона под руководством Л.Л. Рыбаковского предоставила солиднейший материал для принятия партийно-правительственных постановлений по Дальнему Востоку.

Гуманитарии, включая историков, объединились вокруг идеи необходимости снижения различий в уровне жизни населения между центром и регионом как главного инструмента государственной региональной политики [11, с. 278—297]. Причём эта идея различными путями инкорпорировалась в сознание дальневосточников. Исследователи смогли предоставить

власти доказательства отставания уровня жизни местного населения от показателей других регионов, и власть приняла эти научные результаты для обоснования планов дальнейшего освоения данной территории [27].

На многих партийных мероприятиях и научно-практических форумах говорили о необходимости выравнивания уровня жизни дальневосточников с аналогичными показателями других регионов. Хотя при этом номенклатурная элита, а также многие представители научной интеллигенции рассматривали материальное благополучие жителей Дальнего Востока не как стратегию, а как инструмент закрепления трудовых ресурсов с целью развития территории и обеспечения государственной безопасности.

Идеологический авторитет партийной власти в советскую эпоху имел определяющее значение для закрепления научной проблематики в области хозяйственного развития региона. Так, в январе 1985 г. перед учёными ДВНЦ АН СССР политическое руководство страны поставило задачу сконцентрироваться на актуальных проблемах экономического и социального развития, выявлении новых природных и сырьевых ресурсов, разработке эффективных путей их освоения [23]. Власть активно поддерживала и гуманитарные исследования [36, с. 9—12, 502—517; 41, с. 544—547], в том числе исторические. В этих работах идея роста производительных сил в 1970-е гг. получила отражение через концепцию нового этапа хозяйственного развития⁴ и была основополагающим постулатом вплоть до середины 1980-х гг.

В Советском Союзе второй половины XX в. разработка стратегии развития дальневосточного региона сопровождалась широким обсуждением результатов реализации планов на регулярно проводившихся научно-практических конференциях. Труды учёных, включавшие социально-экономические расчёты по Дальнему Востоку, продолжали выполнять главную функцию: они составляли аргументированное обоснование для принятия политических документов. К началу 1980-х гг. был накоплен почти двадцатилетний опыт политики наибольшего благоприятствования высшего руководства развитию региона. Проблематика дальневосточного вектора СССР создала базу для сотрудничества политиков и научного сообщества в государственных масштабах. Горбачёвский стиль управления, внёсший новые детали во взаимоотношения Центра и региональной политической элиты, особо не повлиял на формы и содержание сотрудничества власти с научной общественностью. Причём интеллектуалы нашли новую форму перспективного планирования в региональной политике. Так, их участие в обосновании постановлений партии и правительства по Дальнему Востоку сменилось на активное научное сопровождение первой Долговременной государственной программы развития Дальнего Востока, а затем перешло в бурное обсуждение причин её невыполнения [20; 53; 54].

---

⁴ Первыми концепцию разработали сибирские учёные.

МАГИСТРАЛЬНЫЕ ЛИНИИ В ДИАЛОГЕ УЧЁНЫХ И ПОЛИТИКОВ
ПО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ ВЕКТОРУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Повышенное внимание к проблеме развития Дальнего Востока наблюдается в начале XXI в. Этот всплеск стал отражением осознания новым руководством во второй половине XX в. национальных интересов России как азиатско-тихоокеанской или евразийской, а в более позднее время — евро-тихоокеанской державы в широком смысле.

Сотрудничество научного сообщества и власти начало развиваться на базе новых подходов к дальневосточной политике. На смену теории комплексного развития производительных сил Дальнего Востока 1970—1980-х гг. приходит теория пространственной экономики, она становится фундаментальной основой для появления новых типов политических документов, модернизации их содержания. Обращает на себя внимание синхронное протекание исторических процессов в разных сферах общественной жизни в регионах России. Например, активность исследователей в области теории пространственной экономики приходится на период перестройки и первых практик апробации либеральных программ в стране, а также на время формирования нового типа управленцев («бюрократии развития»), что совпадает с интенсивной инкорпорацией либерально-рыночных идей в российскую научную среду в целом. Некоторые исследователи обращаются к зарубежной концепции «ресурсного проклятия», в частности — «сибирского проклятия России»⁵ [46; 66; 67]. Эта бурная и насыщенная новизной подходов эпоха стала и временем распространения теории пространственной экономики, которая, в свою очередь, сыграла роль новой платформы для диалога учёных и политиков, ускорила формирование новой правовой базы для управления развитием дальневосточной территории.

История происхождения пространственной экономики, этапы её эволюции, а также ход научных дискуссий подробно представлены в публикациях П.А. Минакира [32] и С.В. Макара [28]. Важно обратить внимание на одно замечание А.П. Минакира: «Пространственная экономика является не особым направлением экономической теории, а теоретической оболочкой, вмещающей три формы экономического пространства, взаимодействующие в терминах общей экономической теории, — глобальное, национальное (субглобальное), региональное (субнациональное)» [32, с. 20]. Необходимо упомянуть ещё один постулат этого исследователя о том, что национальные экономические пространства, в свою очередь, подвержены декомпозиции на субнациональные, региональные.

⁵ Термин «ресурсное проклятие» был введён Р. Оти ещё в 1990-х гг. в связи с наблюдаемым замедлением темпов экономического роста в странах, богатых природными ресурсами [14]. Однако, как подчёркивают В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, факт «ресурсного проклятия» подвергнут серьёзному сомнению [46].

Особенность данного вида экономических пространств — добавление требования об однородности условий применения факторов производства и условий жизнедеятельности [32, с. 20].

Как подчёркивает С.В. Макара, пространственный анализ базируется на объединении методологии пространственной экономики, экономической географии и региональной науки на позициях территориальной парадигмы. С этой точки зрения региональное экономическое пространство — это территория, вмещающая множество объектов и связей между ними. Ключевые звенья данной теории в социальном смысле — модель концентрации экономической деятельности на основе корпораций, назначение ответственных за локализацию хозяйственной деятельности, а также ситуация межрегионального неравенства и его динамика [28].

Постсоветская политическая элита и её социальная база — бюрократия нового поколения, для которой подготовка разнообразных программ, написание концепций развития регионов России становится одной из форм деятельности, — проявила особый интерес к теоретическим разработкам пространственной экономики, хотя примерно с 1993 по 2005 гг. наблюдалось специфическое развитие отношений исследователей и политиков. Из всего многообразия идей политики чаще обращались к либеральным. Например, теория «сжатия» пространства дала основание Б.Н. Ельцину заявить о роли восточных пространств как о факторе, который является «отягчающим обстоятельством» для перехода России к рыночной экономике [см. подробно: 9].

В 1993—1997 гг. в региональной политике проявляется тенденция к децентрализации, которая рассматривалась тогда либеральным правительством как часть процесса экономической и политической либерализации с предоставлением отдельным регионам налоговых и бюджетных льгот. Но в 1998 г. федеральная власть делает шаги по изменению отношений с регионами, начинает борьбу с региональными льготами, более того, прекращает процесс заключения договоров о разделении полномочий и предметов ведения. Назначенный 11 сентября 1998 г. премьер-министром Е.М. Примаков понимал, что новое правительство должно прежде всего уделить особое внимание сохранению России как целостного государства. Поворот к проблемам Дальнего Востока был связан как с внешнеполитическими обстоятельствами, так и с острой необходимостью преодоления сложившейся между Москвой и формирующейся региональной элитой ситуации с целью осуществления реформаторского курса. Назначение премьер-министром Е.М. Примакова, обладавшего опытом учёного и дипломата, имело для Дальнего Востока большое значение [7].

В контексте поставленной проблемы актуально упомянуть и одно дискуссионное историографическое событие — появление тезиса о «дальневосточном сепаратизме», вызванное политической ситуацией в Приморском крае и отношением к ней Центра. Сегодня утверждение о развитии сепаратизма в Приморье, существовавшее в 1990-е гг., меняется на концепт «мифа

о нём». Своеобразие ситуации на Дальнем Востоке действительно волновало Кремль. Как утверждают М.А. Алексеев и Т.Г. Троякова, «после коллапса Советского Союза ключевые политические фигуры в Приморье имели много побудительных причин для интеграции в экономику Тихоокеанского кольца за счёт экономических связей с Москвой. Тем более, действуя в соответствии с этими побудительными причинами, региональные политические лидеры не поддержали идею крупных проектов по установлению свободных зон между Россией, Китаем, Кореей, Японией и США» [68]. Тем не менее события по линии административно-политических взаимоотношений, проявившиеся на Дальнем Востоке, оказались катализатором принятия решений, целью которых было изменение региональной политики в стране.

В парламент России был внесён ряд законов, направленных на регулирование разделения функций между федеральными и региональными органами власти. Целью региональной политики в который раз в XX в. было объявлено выравнивание уровня социально-экономического развития отдельных территорий. Однако этого не произошло, фактическое содержание государственных мер по регулированию ситуации в регионах диктовалось сложной политической и экономической ситуацией тех лет.

Своеобразной была региональная политика России и в дальнейшем. В 2000—2005 гг. «практика выравнивания основывалась на разделении пяти фондов федерального бюджета» (финансовая поддержка субъектов РФ, софинансирование социальных расходов, реформирование региональных и муниципальных финансов и регионального развития, фонд компенсаций) [57].

В указанный период политическая элита по-прежнему использовала термин «производительные силы», приняв целевую программу «Сокращения различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации». Параллельно процессу отношений «Центр — регион» наблюдаются развёртывание событий во внешнеполитической линии, происходит перенос внешнеполитического фокуса России на Азию [25; 26].

Таким образом, наблюдаемое в настоящее время стечение исторических обстоятельств оказывается важнейшим фактором для активизации сотрудничества, диалога власти и учёных. Гуманитарии разной специализации мгновенно включаются в осмысление актуальной повестки XXI в., начинается новый этап концентрации знания вокруг проблемы «поворота России на Восток». Не только представители экономической науки, но и географы, историки, политологи, социологи пытаются найти свою нишу в дискуссии о развитии регионов [18; 19; 58], приоритете дальневосточного вектора России [24; 26; 44; 58; 59]. И вновь дальневосточная проблематика, как и в середине XX в., создаёт платформу для диалога власти и наиболее активной рефлексирующей части общества — учёных и экспертов. Но это сотрудничество осуществляется уже новой генерацией политиков, управленцев и экспертным сообществом, ориентированным на новые теоретические установки.

Диалог интеллектуалов (в широком понимании) начинается с оценки стратегии, осуществляемой в 2000-е гг. по отношению к Дальнему Востоку. При анализе внутренних факторов, обусловивших новый виток пристального внимания к восточным территориям, представители разных групп интеллектуалов опираются на ретроспективный подход и делают вывод о сохранении социально-экономической и социально-демографической отсталости, несмотря на немалые усилия правительства. В формате постфактумной парадигмы экспертное сообщество стремится занять активную позицию в диалоге; доказывает власти, что по степени межрегиональной социально-экономической дифференциации наша страна занимает первое место в мире [15; 16]. Одновременно учёные подтверждают, что Центр осознаёт необходимость антикризисного управления пространством России, особенно её приграничных территорий. Таким образом, кроме внешнеполитического вызова и стремления взять под контроль региональную элиту Центр должен был ответить и на вызов со стороны научных кругов.

И власть делает это: в 2004 г. создаётся Министерство регионального развития. То есть новая элита признала провал не только Программы развития Дальнего Востока позднесоветского времени, но и первой постсоветской Программы 1996 г. Однако высший слой управленцев не был готов к реализации нового дальневосточного курса по ряду обстоятельств, в том числе из-за состояния кадровой политики, о чём говорит смена шести министров за 10 лет работы Минрегионразвития.

В июне 2005 г. это министерство круто изменило концептуальные подходы к региональной политике, представив Правительству новую «Концепцию стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации». В ней был сделан акцент на дифференцированном развитии территорий, т.е. речь идёт уже о фактическом закреплении разных ролей субъектов РФ в экономике и территориальной структуре хозяйства страны. На первый план выдвигается постановка вопроса о приоритетном развитии (т.е. государственной поддержке) регионов двух типов — «опорных» и «полюсов роста». Первые — это наиболее крупные, экономически развитые регионы России, вторые — динамично развивающиеся средние и небольшие.

Концепция пространственной экономики с воодушевлением была принята управленческим аппаратом уже в 2010-е гг., а в политическом дискурсе стал активно распространяться тезис об особой роли Дальнего Востока в обеспечении национальных интересов. В управленческой практике появилось новое Министерство РФ по развитию Дальнего Востока [60]. До 31 августа 2013 г. министр одновременно являлся полномочным представителем президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе.

Дальневосточная политика ярко отражает процесс слияния научных идей об особой миссии региона в развитии России и организационной деятельности «бюрократии развития». Например, это ярко выразилось

в личности В.И. Ишаева — первого полномочного представителя президента РФ в ДФО. Он, совмещая работу учёного и краевого руководителя, стал сначала кандидатом (1997), затем доктором экономических наук (1999), профессором (2001), членом-корреспондентом (2003), а затем академиком РАН (2008). Губернаторы, главы администраций дальневосточных субъектов стали тесно контактировать с учёными, привлекая их к разработке программных документов и написанию собственных монографий [17]. С другой стороны, многие исследователи, предлагая наработки для концепций развития дальневосточных территорий, расширяют возможности своей деятельности.

Таким образом, была подготовлена база для функционирования разных площадок, на которых демонстрируется сотрудничество политиков с научным, экспертным и бизнес-сообществом, что как нельзя лучше отражает специфику современного диалога участников процесса модернизации территории. Например, был создан Восточный экономический форум, фактически являющийся модернизированным вариантом научно-практических конференций, но с учётом интересов нового класса предпринимателей и стратегии привлечения иностранных инвестиций. Уже есть и первые публикации, в которых можно найти историю его организации [61].

Анализ многочисленных источников и литературы даёт основание для вывода об *особенностях* нового витка внимания российской политической элиты к региону. Научное обоснование и организационные условия в течение многих лет готовили почву для возникновения идеи опережающего развития территорий, законодательного оформления ТОРов, а также создания зоны «Свободный порт Владивосток». Правительство поощряло формирование специальных экспертных объединений, выполняющих функции советников власти и активных информаторов общества [56]. Назовём лишь некоторые факты из большого событийного ряда.

Во Владивостоке возник региональный фонд «Тихоокеанский центр стратегических разработок» (НКОТЦСР), который действовал с 16 апреля 2003 г. по 22 октября 2009 г. (руководитель М.Т. Терский). В 2005 г. Министерство регионального развития РФ и ТЦСР провели ряд мероприятий, на которых обсуждались стратегические вопросы по ДФО, в частности — идея разделить Дальний Восток на три типа регионов, которым государство будет уделять внимание согласно их статусу. В понимании чиновников, получивших от учёных интеллектуальную поддержку, надо выделить регионы — точки развития, регионы — точки роста и регионы — точки присутствия [24].

Взоры политиков и экспертов были обращены к «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» (2005). Этот документ — одна из первых постсоветских разработок, где зафиксирована версия решения проблемы неравномерности регионального развития страны, когда производственные ресурсы и капиталы в основном были сконцентрированы на немногих, главным образом сырьевых,

территориях [19]. «Федерация должна сосредоточиться на формировании и развитии опорного каркаса пространственной организации страны, так как не может централизованно планировать все аспекты пространственного развития РФ», — говорилось в приложении концепции [52]. Эта идея в дальнейшем превратилась в законопроекты, затем в законы.

В декабре 2013 г. в послании Федеральному Собранию президент РФ В.В. Путин указал на особую значимость Сибири и Дальнего Востока, назвав подъём региона национальным приоритетом на весь XXI в. [47]. Развернулась солидная экспертная работа по разработке сценариев развития ДФО [см.: 2]. Научная общественность объединяла свои силы разными методами, и власть поддерживала её в этом. Например, был создан экспертный клуб Общественного совета при Министерстве по развитию Дальнего Востока, поставивший своей целью объединить представителей власти, бизнеса и общественных структур для более активного продвижения программ и проектов, реализуемых в регионе [38]. В 2000-е гг. организовываются особые экспертные площадки мирового уровня по дальневосточной тематике, где политики, учёные и представители бизнеса воссоздают общую картину положения дел на Дальнем Востоке, раскрывают свои планы по отношению к территории (форум АТЭС-2012, Восточные экономические форумы, Международный дискуссионный клуб «Валдай» и др.).

Обзор докладов участников, выступавших на этих площадках, позволяет увидеть роль и место гуманитариев в общем политическом движении России на Восток. Выступая часто в роли советников власти, они одновременно взяли на себя и миссию её критики. В 1990-е гг. научное сообщество много говорило об опасных последствиях экономической деградации и инфраструктурной оторванности региона от европейской части страны. Оценивая общую тональность публикаций, можно заметить, что в начале XXI в. прослеживается усиление озабоченности интеллектуальной части российского общества разрушительными последствиями радикальных реформ, что было чревато появлением новых негативных тенденций не только для самого Дальнего Востока, но и для всего государства [25].

Среди ведущих экспертов были экономисты [33; 34; 65] и географы [59], в том числе из институтов ДВО РАН (академики П.Я. Бакланов, П.Я. Минакир и др.). Важно обратить внимание на то, что в концептуальном понимании пройденного регионом пути в 1990-е гг. не исчез существовавший многие десятилетия подход к Дальнему Востоку как специфической территории, отличной от других экономических районов, хотя исследования пополнились новым методологическим инструментарием. Так, обращение к методике анализа повторяемости или чередования задач развития территории привело к разработке А.П. Минакиром теории цикличности дальневосточной политики [33; 34, с. 14—23].

Одновременное внимание научных и политических кругов к демографическим и миграционным вопросам в контексте дальневосточной политики [см. подробно: 21] составляет наиболее яркую характеристику

рассматриваемого процесса на разных исторических этапах, в том числе в постсоветский период. Это направление диалога требует специальной аналитики, но не упомянуть о нём — значит навлечь критику коллег. Чаще всего в исследованиях, посвящённых демографической ситуации, подчёркивается, что Дальний Восток так и не может преодолеть тенденции 1990-х гг., несмотря на некоторые положительные изменения. Но на этот счёт есть и критическая точка зрения московских учёных, которые считают, что дальневосточные исследователи преувеличивают демографическую проблему [44], хотя статистические аргументы в данной работе отсутствуют.

Вторым аспектом, обуславливающим сложность диалога власти с учёными, является проблема сырьевой направленности региона в перспективе. С одной стороны, остаются явные поборники теории «сибирского проклятья» (выше мы упоминали, что сегодня концепция «ресурсного проклятья» является дискуссионной.). С другой — есть сторонники противоположной позиции: природные богатства принесут России пользу, Сибирь и Дальний Восток могут стать локомотивом российского экономико-политического развития. «Ресурсный сектор должен не только создавать рабочие места, но и служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, привязанных к нему и сконцентрированных, как правило, в крупнейших городах» [44, с. 187]. Оптимизм этой группы исследователей строится на вступлении России в новый этап преодоления традиционной модели хозяйственного развития и связывается с новой моделью управления территорией, опирающейся на Минвостокразвития и молодое поколение управленческих кадров. Надежды возлагаются и на обновлённую версию государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утверждённую постановлением Правительства РФ в апреле 2014 г.

Самой новой темой в современном диалоге политиков (включая их социальную базу — управленцев) и учёных является проблема формирования сети ТОРов, запуск инвестпроектов с привлечением частного капитала, подготовка кадров и развитие транспортной инфраструктуры при пересмотре дорогостоящих отраслевых подпрограмм. Именно эта тема сегодня формирует дискуссию между управленцами и интеллектуалами. Учёные наряду с положительным эффектом от этих мер отмечают и возможные риски в виде усиления анклавизации экономики в результате придания импульса развитию отдельных локальных хозяйственных структур, а также ряд трудностей, вытекающих из процесса отбора потенциальных площадок и определения их приоритетной специализации [19; 35].

Включаясь в дискуссию, хотелось бы поддержать своих коллег по цеху, которые уже проанализировали первые результаты принятых масштабных политических решений: «Несмотря на оптимистические отчёты о создаваемых ТОРах, новых предприятиях и новых инвестициях, Дальний Восток остаётся в числе трёх федеральных округов с самым заметным падением реальных доходов населения» [42, с. 85].

РЕЗЮМЕ

В целом на протяжении всей советской эпохи и скрытые от общества формы сотрудничества между управленцами, специалистами и учёными (докладные записки, непосредственное участие в подготовке правительственных документов), и публичные формы диалога (обсуждение документов под знаком развития производительных сил региона) имели консенсусный характер. Это взаимодействие стало одним из инструментов обоснования сырьевой специализации региона, при этом реформы в управлении территорией не меняли консолидированного мнения, что и соответствовало относительно устойчивому функционированию Дальнего Востока, в котором идеология была скрепляющим звеном власти и науки, прежде всего гуманитарной. Публикация официальных документов, материалов конференций по развитию производительных сил дальневосточного региона, выступления участников диалога в СМИ раскрывают влияние системных факторов на его внутреннее содержание.

И в начале советской эпохи, и в первые годы постсоветского периода наблюдается своего рода синхронизация исторических процессов, происходивших в разных сферах, но пересекавшихся в определённой точке исторического пространства, эта точка — дальневосточная политика. В годы формирования и развития партноменклатурного слоя управленцев государственное мировоззрение по вопросу территориального размещения производства обеспечивалось парадигмой научных знаний и верой в результаты внедрения новых идей. Начиная с 1980-х гг. (и особенно в 1990-е гг.) идёт одновременно несколько процессов: активно трансформируется новая политическая элита России, её социальная база — бюрократия, возникает класс предпринимателей, меняется геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе, кардинальным образом трансформируются научные представления о рациональности размещения производства, а также видоизменяется система финансирования развития регионов. Всё это формирует более сложные условия для диалога интеллектуалов и власти. С одной стороны, в XXI в. наблюдается сращивание деятельности новой российской «бюрократии развития» и взглядов учёных на управление территорией. С другой — этот диалог нарушается критикой гуманитариями скромных результатов внедрения новых форм территориального управления. Своеобразие современной системы отношений «власть — научная общественность» заключается в том, что второе звено в этой бинарной композиции состоит как из приверженцев власти, так и её оппонентов. Процесс исследования поворота России на Восток, как зеркало, отражает сложный характер перехода от парадигмы комплексного развития производительных сил региона к пространственной экономике с характерной для неё неравномерностью модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. VII Дальневосточная краевая конференция РКП(б). Хабаровск: Далькрайком ВКП(б), 1925. 230 с.
2. Аналитический вестник. О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона на долгосрочную перспективу (к «правительственному часу» в рамках 361-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29 октября 2014 года). 2014. № 8 (526). URL: <http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/2015/bf639f839d0c244e4d2a.pdf> (дата обращения: 02.02.2018).
3. Анимица Е.Г., Аминица П.Е., Денисова О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-nauchnyh-vzglyadov-na-teoriyu-razmescheniya-proizvoditelnyh-sil> (дата обращения: 12.09.2018).
4. Анимица Е.Г., Денисова О.Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-razmescheniya-proizvoditelnyh-sil-k-regionalnoy-ekonomike> (дата обращения: 12.09.2018).
5. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. URL: <https://www.libfox.ru/638252-3-alen-badyu-zagadochnoe-otnoshenie-filosofii-i-politiki.html#book> (дата обращения: 12.09.2018).
6. Балакина Л.П. Академик В.С. Немчинов о научных проблемах оптимального пространственного размещения производительных сил страны (1949—1963 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. С. 12—16.
7. Барский К. «Восточный вектор» начертил Примаков // Международная жизнь. 2016. № 10. С. 42—66.
8. Васильева Е.В. Политика советского государства в области науки как фактор трансформации социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2001. 300 с.
9. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX — начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 30—45.
10. Ващук А.С. Проблемы управления Дальневосточным регионом в советский и постсоветский периоды // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 21—28.
11. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке. 1945 г. — конец 80-х годов: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. 463 с.
12. Ващук А.С. Судьба Дальнего Востока или вклад региона в развитие России: исследовательский опыт // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 303—322.
13. Гладышев А.Н. Близкий Дальний Восток. М.: Сов. Россия, 1975. 205 с.
14. Гладышев А.Н., Николаев Н.И., Сингур Н.М., Шапалин Б.Ф. Экономика Дальнего Востока. Проблемы, перспективы. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1971. 408 с.
15. Глазырина И.П., Клевакина Е.А. Неравенство доходов, темпы и качество экономического роста в регионах России. URL: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/46/index-6217111.html> (дата обращения: 12.09.2018).
16. Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 57—81.
17. Дарькин С.М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность. М: Дело, 2007. 440 с.
18. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 264 с.

19. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // Восток России: проблемы освоения — преодоления пространства / под ред. В.А. Крюкова и В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 117—133.
20. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
21. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2013. 224 с.
22. Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ. Была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2011. 245 с.
23. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. Т. 15. С. 432—434.
24. Кудисов А. Дальний Восток в новом измерении // Дальневосточный капитал. 2005. № 5. С. 8.
25. Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России: Рабочие материалы. М.: Московский Центр Карнеги, 2013. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Interior_Larin_Rus_WEB.pdf (дата обращения: 10.03.2017).
26. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в «Большой Евразии» начала XXI в.: вызовы и ответы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 65—75.
27. Латкин А.П. Только на основе науки // Дальний Восток на карте Родины. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1985. С. 45—68.
28. Макар С.В. Пространственный анализ: развитие концепции и возможностей применения // Вестник Финансового ун-та. 2012. № 2 (68). С. 61—72.
29. Малявина Л.С. Первая конференция по изучению производительных сил советского Дальнего Востока (апрель 1926 г.) о перспективах и проблемах социально-экономического развития региона // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 182—195.
30. Марголин А.Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
31. Мерцалов В.И. Эволюция совнархозовской реформы 1957—1965 гг. и вопросы районирования в Восточной Сибири // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2013. № 1 (4). С. 86—100.
32. Минакир А.П. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12—38.
33. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Рензин О.М., Шейнгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 7—33.
34. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
35. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // Восток России: проблемы освоения — преодоления пространства / под ред. В.А. Крюкова и В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 12—33.

36. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945—1950-е гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4).
37. Моисеев Р.С. Избранное в 3-х т. Т. 2. Развитие Дальнего Востока и Камчатки. Региональные проблемы. Петропавловск-Камчатский.: Изд-во КамГУ им. В. Беринга, 2007. 364 с.
38. Начал работу Экспертный клуб при Общественном совете Минвостокразвития России. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/4978/> (дата обращения: 02.02.2018).
39. Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М.: Экономика, 1965. 76 с.
40. Немчинов В.С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы экономики. 1961. № 6. С. 3—15.
41. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. 2-е изд., перераб. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
42. Песцов С.К., Волынчук А.Б. Стратегия развития Дальнего Востока: нетипичный случай современной региональной политики // Историческая и образовательная мысль. 2018. Т. 10. 3/1. С. 82—92.
43. Платонова Н.М. Промышленный комплекс Дальнего Востока РСФСР: условия и особенности развития (1965—1985 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2018. 528 с.
44. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / под общ. ред. И.А. Макарова. М.: Междунар. отношения, 2016. 448 с.
45. Положение о Государственном комитете Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 25 августа 1955 г. № 1575. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5028.htm (дата обращения: 11.11.2018).
46. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» // VIII междунар. научн. конф. «Модернизация экономики и общественное развитие». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 98 с.
47. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ (дата обращения: 10.02.2018).
48. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 08.07.1967 № 638 (ред. от 19.08.1982) «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44759&dst=4294967295#06748015242116328> (дата обращения 12.09.2018).
49. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28 августа 1969 г. N 724 «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» (с изм. и доп., внесёнными Постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР от 03.08.1988 № 953). URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrf5128.htm> (дата обращения: 12.09.2018).
50. Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf> (дата обращения: 12.09.2018).
51. Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 552 с.

52. Россия: принципы пространственного развития. Приложение. Концепция пространственного развития в РФ. URL: http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv_prilozhenie.htm (дата обращения: 20.09.2018).
53. Савченко А.Е. В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX — начале XXI в. // Историческая и образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 104—113.
54. Савченко А.Е. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Вып. 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 237—241.
55. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М., 1961. 302 с.
56. Стенограмма заседания Научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ «Дальневосточный регион в социально-экономическом пространстве России, проблемы и пути их решения». 21 ноября 2008 г. // Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: сб. материалов. М.: Совет Федерации РФ, 2009. С. 3—41.
57. Табакаев П.В. Государственное регулирование регионального развития России. Смена приоритетов. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2007/Tabakaev.pdf> (дата обращения: 12.09.2018).
58. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: Опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
59. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего и будущего / отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
60. Указ Президента РФ от 21.05.2012 № 636 (ред. от 14.09.2018) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129954/ (дата обращения: 10.12.2018).
61. Фирсова И.С. Дальневосточный международный экономический форум как механизм разработки и координации проектов развития Дальнего Востока РФ // Молодой учёный. 2011. № 3. Т. 1. С. 203—206.
62. Хрущёв Н.С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: доклад т. Н.С. Хрущёва на седьмой сессии Верховного Совета СССР. Закон Верховного Совета СССР от 10 мая 1957 г. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1957. 86 с.
63. Чернавская В.Н. «Восточный фронтир» России XVII — начала XVIII в. Историко-историографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003. 176 с.
64. Чернавская В.Н. Россия на Тихом океане. XVIII — первая половина XIX в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 256 с.
65. Экономическая политика на Дальнем Востоке России (концепция и программа). Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2000. 92 с.
66. Auty R. Natural Resources, Capital Accumulation and the Resource Curse // *Ecological Economics*. 2007. № 61. P. 627—634.
67. Auty R. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London: Routledge, 1993. 272 p.
68. *Center-Periphery Conflict in Post-Soviet Russia. A Federation Imperiled* / ed. by M.A. Alexseev. New York: St. Martin's Press, 1999. 298 p.
69. АП ДВО РАН (Арх. Президиума ДВО РАН).